

М.Л. Бережнова

Государственная программа переселений в восточные районы СССР 1939–1942 гг.: этнографические аспекты

Для ученых отечественной этнографической школы одной из важнейших процедур исследования является обращение к этнической истории носителей тех или иных культурных традиций. При этом этнографов интересует всё, связанное с миграциями изучаемых групп населения, особенно применительно к этнографии Сибири, некоренных народов региона. Вопросы заселения Сибири после присоединения ее к России изучаются прежде всего историками, и, как правило, этнографы полагаются на результаты их исследований. Отдельные аспекты процесса заселения изучены с разной полнотой, и поэтому этнографы иногда вынуждены исследовать самостоятельно те или иные вопросы переселений, тем более что они работают по большей части с теми же источниками, что и историки, изучающие эту проблематику.

Особняком стоят вопросы переселений в Сибирь в советское время. Во-первых, при их изучении используется особый корпус источников, далекий от привычных документов учета населения – ревизий и метрических книг. Во-вторых, основой самостоятельных исторических изысканий для этнографов обычно являются опубликованные труды, содержащие факты, которые задают абрис изучаемого, обычно частного, сюжета. Если суммировать данные современной исторической литературы, то можно указать три более или менее крупные земельные миграции в советскую Сибирь: переселения 1920-х гг. [1, с. 127], плановое переселение колхозников из малоземельных районов СССР в 1939–1942 гг. [2, с. 42–43], переселение на целинные и залежные земли 1954–1960 гг. [3, с. 18]. Предпринимались отдельные попытки учесть этнический состав переселенцев 1920-х гг. (см., например: [4, с. 42]). Остальные миграции изучены плохо во всех отношениях.

В новейшей исторической литературе хорошо освещена история насильственных миграций в Сибирь в XX в. (см., например, обобщающий труд: [5]). Не анализируя специально публикации по этой теме, отметим, что их авторы уделяли основное внимание социально-политическим аспектам проблемы. Этнический состав спецпереселенцев специально не исследовался, но при изучении этнических депортаций не мог не учитываться. Наиболее полно к настоящему времени изучена история немецкой диаспоры в Сибири.

Возникает вопрос, а столь ли уж необходимы сведения о миграционных потоках XX в. при проведении

этнографических исследований? Отвечая на него, приведем только один пример. Известно, что у белорусов и, в меньшей степени, украинцев к моменту переселений рубежа XIX–XX вв. этническое самосознание еще не было окончательно сформировано. Поэтому они относительно быстро переставали использовать свои этнические имена, принесенные с мест выхода, и представлялись во всех ситуациях (при проведении переписей населения, получении паспорта и т.д.) русскими. Однако в ряде мест этнографы встречают группы населения, у которых самосознание хорошо сохранилось, а потомки переселенцев называют себя украинцами, белорусами и т.д. Часто при этом историю своей семьи информаторы детально не знают и не могут сказать, когда произошло переселение в Сибирь. Отметим, что по мере расширения круга информаторов, получивших неполное и тем более законченное среднее образование, этнографы все чаще записывают не только и не столько семейные предания о переселении, сколько скорректированную версию, соотносящуюся с учебниками, по которым когда-то респонденты учились. Не случайно в рассказах людей 1940–1950-х гг. рождения все переселения в Сибирь связываются со столыпинскими реформами. Конечно, знания о миграциях советского времени, их направлении и интенсивности помогли бы точнее реконструировать историю многих семей и групп населения.

В этой статье речь пойдет только об одной государственной компании переселения земледельческого населения в восточные районы СССР, которая особенно мало исследована. Основными источниками выступают документы, отложенные переселенческими отделами исполнительных комитетов Новосибирского и Омского областных советов депутатов трудящихся. Эти документы хранятся в Государственном архиве Новосибирской области (далее – ГАНО) и Государственном архиве Омской области (далее – ГАОО). В 1939–1942 гг. Омская и Новосибирская области существовали в иных, чем теперь, границах и включали в себя территории современных Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей. Поэтому изученные документы фактически описывают ситуацию во всей Западной Сибири.

В соответствии с постановлениями XVIII съезда ВКП(б) (март 1939 г.) было решено резко увеличить количество сдаваемой государству продукции сельского хозяйства. Реализация этого решения обес-

печивалось целой системой мерой, оформленных совместными постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР: «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания», «Об изменениях в политике заготовок и закупок сельхозпродуктов», «О мерах по развитию общественного животноводства в колхозах». Начиная с урожая 1940 г. обязательные поставки продуктов растениеводства начислялись с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозом. От площади пашен и лугов зависели обязательные поставки государству сена, молока, кож, яиц, тогда как до этого поставки исчислялись от плана посева различных культур, поголовья колхозного стада и т.д. [6, с. 2–4].

Это решение не могло быть реализовано во многих районах СССР, в частности в Сибири, из-за нехватки рабочих рук в колхозах. Еще в мае 1939 г. было принято постановление «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания», пафос которого был направлен на «возвращение» в общественный фонд земельных участков, переданных колхозникам для личного пользования сверх установленных норм. Утверждалось, что колхозники, занятые работой на приусадебных участках, уклоняются от участия в общественном труде, что, якобы, и создает искусственную нехватку работников. В этом же документе подчеркивалось, что активная работа колхозников позволила бы «высвободить значительную часть рабочей силы для промышленности и для переселения в многоземельные районы СССР, где действительно имеется нехватка рабочих рук». Среди сибирских регионов, куда были намечены переселенческие потоки, назывались Омская и Новосибирская области, Алтайский край, а также Дальний Восток. Работа эта поручалась вновь образованному Переселенческому управлению при СНК СССР [7, с. 1–4].

В общественном сознании закреплялось мнение, что программа переселения колхозников в многоземельные районы инициирована снизу. В статьях сибирских газет и в протоколах колхозных собраний часто встречаются высказывания о том, что колхозники, якобы по своей инициативе, «приглашают» к себе переселенцев из малоземельных районов.

Обычно аргументация подобного приглашения одна и та же. Газета «Омская правда» сообщает: «Чтобы выполнить план полевых работ, – сказал конюх сельхозартели «Новое поле» Полтавского района Омской области С.И. Сиволац, – рабочего скота и машин у нас имелось вполне достаточно, но рабочих рук не хватало. Работали мы отлично, большинство колхозников выработало по 500–700 трудодней (при определенном постановлении 1939 г. минимуме в 80 трудодней в год. – *М.Б.*)... И все-таки у нас оказалось много упущений. Всей работы одними нашими руками не переделаешь» [8, с. 3]. Была широко распространена инициатива членов сельхозартели «Путь к социализму» Кемеровского района Ново-

сибирской области, которые, пригласив к себе переселенцев, взяли обязательство обеспечить их жильем, выделить скот, продукты питания и товары первой необходимости. Протоколы общих собраний колхозов часто включали вопрос о приеме переселенцев в такой формулировке: «Обсуждение обращения колхозников колхоза «Путь к социализму» Кемеровского района о необходимости приема переселенцев из малоземельных областей и подготовке им товарищеской встречи» [9, л. 57].

В речах официальных лиц встречаются фразы, которые подтверждают, что приглашение в Сибирь переселенцев – инициатива и забота самих сибиряков. Вот цитата из речи А.А. Андреева, в то время секретаря ЦК ВКП(б), который на совещании передовиков сельского хозяйства Новосибирской области 17 марта 1940 г. сказал следующее: «Для превращения восточных районов в одну из основных баз СССР по производству зерна... понадобится ввести под пахоту шесть–восемь миллионов гектар новых земель... что вполне возможно по земельным запасам колхозов и совхозов. Существует единственное затруднение... будет все же не хватать на такие большие посевные площади людей в колхозах. Но эта трудность легко устранима, если партийные, советские организации и колхозы наших восточных областей и краев организуют дело приема и устройства переселяющихся колхозников...» В этой же речи А.А. Андреев одобрил решение Новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома, которые решили «произвести подготовку для приема в 1940 г. 20 тысяч... переселяющихся семей колхозников в новосибирские колхозы» [10, с. 11–12]. Вместе с тем существовали планы переселений, «утвержденные СНК СССР и ЦК ВКП(б)». Именно такая формулировка встречается в официальных документах того времени, например, в докладной записке председателя исполкома Омского областного совета депутатов трудящихся С.И. Евстигнеева председателю Совнаркома РСФСР И.С. Хохлову [11, л. 39].

Первых переселенцев в Сибири приняли еще в 1939 г., но в изученных фондах планов переселений на этот год не обнаружилось. В 1940 г. Новосибирская область должна была принять, как уже указывалось, 20 тысяч семей, а Омская – 15 тысяч [11, л. 4]. Известно, что такой же план приема переселенцев был утвержден Омской области на 1941 г. [11, л. 5], по Новосибирской области план приема в архиве не обнаружен. Учет переселенцев во всех документах ведется по «семействам». В ГАНУ хранится ряд документов, который позволяет установить средний размер переселенческой семьи. Например, в одно дело сведены 112 анкет-заявлений переселенцев, прибывших «в районы, названия которых начинаются с букв Н–П» [12]. Такие анкеты-заявления включали пункт: «Совместно со мной переселяется моя семья в со-

ставе». В 112 анкетах заявители указали 611 членов семей, или в среднем по 5,5 человека на семью.

Если ввести коэффициент людности переселенческих семей со значением даже 5, то получается, что только в 1940 г. в Западную Сибирь (без Алтайского края) должны были прибыть 175 тыс. человек. Согласно опубликованным данным, в Западную Сибирь за 1871–1918 гг. приехало 2422,7 тыс. человек (без вернувшихся обратно), или в среднем по 53,8 тыс. человек в год [13, с. 33]. Известно также, что «в 1954–1960 гг. около 800 тыс. человек... переселились на целинные земли в Казахстан, районы Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока» [3, с. 18]. Если посчитать, что все целинники обосновались в Западной Сибири, что, разумеется, не так, то получается приток в 133 тысяч человек в год. Запланированные на 1939–1942 гг. переселения превосходили по масштабам все миграционные потоки конца XIX–XX вв.!

Несколько слов об организации переселений и условиях устройства переселенцев на местах вселения. А.А. Андреев в уже цитировавшейся речи сказал: «Можно не сомневаться, что большое количество колхозников поедут в колхозы восточных районов – пожить и поработать в новых условиях» [10, с. 12]. Однако на самотек дело переселений не пустили. Области приема должны были направить уполномоченных в места выхода переселенцев. Отправка уполномоченных была задержана в 1940 г. в связи с тем, что долгое время не утверждался план переселений для областей выхода колхозников. Однако, как следует из докладной записки С.И. Евстигнеева в Совнарком РСФСР, прибывшие на места уполномоченные не были встречены «по-товарищески». Фактически в докладной, которая готовилась для отправки в апреле–мае 1941 г., содержится кляуза на местные власти ряда районов выхода. «Первый секретарь Копыльского (Минская обл. – М.Б.) РК ВКП(б) уполномоченному по Омской области заявил: “Вы приехали вербовать, езжайте по колхозам и вербуйте, как и остальные 5 вербовщиков, имеющиеся у нас от НКугля, НКлеца, КООПинсоюза, Военведа, НКПСа”» [11, л. 163]. Недовольны были уполномоченные и той позицией, которую занимали представители советских органов. «Председатель Сенчанского райисполкома Полтавской области тов. Русаков запугивал колхозников: “Если вы будете плохо относиться к работе, мы вас сейчас переселим в Омскую область”» [11, л. 164].

Там, где не работали уполномоченные, представители местных властей обещали золотые горы переселенцам, стремясь, скорее всего, выполнить план переселений. «В ряде областей УССР и БССР, и в особенности в Тульской области, областные и районные работники... неправильно информировали отправляемых переселенцев, чрезвычайно много наговорили о том, что в районах вселения имеются готовые дома, надворные постройки для каждой семьи и совершенно

не ориентировали на то, что переселенцам самим, вместе с колхозами, принявшими их, придется строить дома и надворные постройки» [11, л. 169].

Что же в действительности должны были предложить переселенцам на местах вселения? Порядок обеспечения переселенцев определялся Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. о льготах по сельхозпереселению. Главной льготой было предоставление в бесплатное пользование дома, который по истечении 5 лет непрерывной работы в колхозе передавался в личную собственность переселенцев [11, л. 70]. Также переселенцы могли рассчитывать на получение кредита на хозяйственное устройство и обзаведение, на получение мелкого скота (овец, свиней) с колхозных ферм, на получение коровы с колхозной фермы взамен сданной в Заготскот на месте выхода. Для содержания скота переселенцам обещали вместе с домом передать надворные постройки. Им должны были нарезать приусадебные участки. Полагалась переселенцам также хлебная ссуда по 3 центнера зерна на семью, картофель пищевой и семенной или, для прибывающих летом, засеянный участок картофельного поля размером 0,1–0,2 га. Переселенцам помогали приобрести зимние вещи [11, л. 72–73].

Декларируемые условия переселения были привлекательными. В 1939 г., в первый год действия программы, в Омскую область переселилось 4000 семей, в том числе 2500 – плановых переселенцев, 1500 хозяйств прибыли самостоятельно. К 1 января 1941 г. в колхозы Омской области прибыла еще 14771 семья, или 78,3% от плана 1940 г. [11, л. 39]. Согласно статистическим отчетам о динамике прибытия хозяйств переселенцев в районы Новосибирской области за 1940 г., к концу августа в область прибыло 13052 семей, или 65,3% от плана. Эти же документы позволяют указать места выхода переселенцев и сделать косвенные выводы об их этническом составе. Из отчета от 20 августа 1940 г. по Новосибирской области следует, что крупнейшие партии переселенцев прибывали из Тамбовской (1155 семей), Могилевской (1008 семей), Орловской (1004 семьи), Винницкой (975 семей), Курской (971 семей), Харьковской (900 семей) областей и Чувашской АССР (970 семей) [14, л. 48]. Всего в 1940 г. в Новосибирскую область прибыли выходцы из 31 региона СССР. Несмотря на то, что в документах декларировалось переселение из малоземельных областей РСФСР и УССР (см., например: [8, с. 3]), на деле переселения велись и из Белорусской ССР. В постановлении «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» указывалось, что переселения должны быть направлены, кроме Сибири, Дальнего Востока и некоторых других регионов, еще и в Поволжье [7, с. 4], но в Новосибирскую область в 1940 г. приехали переселенцы из Татарской АССР (253 семьи), Мордовской АССР (523 семей) и, как уже указывалось, Чувашской АССР. Порой сами руководители пересе-

ленческого движения путались и посылали в Москву запросы о том, какие регионы входят в число районов планового выхода (см., например: [15, л. 27]). Иногда дело доходило до курьеза. Челябинская область называлась в официальных документах местом вселения, но в Сибири встречались люди, вполне официально покинувшие эту же Челябинскую область как плановые переселенцы (ср., например: [7, с. 4; 12]).

Отметим, что места выхода переселенцев и их национальная принадлежность не всегда совпадают. В ГАНУ, как уже указывалось, хранятся анкеты-заявления переселенцев, которые заполнялись на местах выхода и включали пункт «национальность». Анкеты собраны в значительное количество дел, названия которых вполне условно соответствуют их содержанию. Например, в уже упоминавшемся деле «Анкеты-заявления переселенцев, прибывших в районы, названия которых начинаются с букв Н–П» [12] на самом деле собраны 112 заявлений семей, въезжавших в том числе и в такие районы, как Сузунский, Туганский, Убинский и др. Аналогичное дело с названием «Анкеты-заявления переселенцев, прибывших в колхозы Беловского, Болотнинского, Венгеровского, Топкинского районов» включает в себя документы на 140 семей переселенцев, отправившихся в 1940 г. в эти, Тогучинский, Барзасский и другие районы [16]. Рассмотрим на примере этих двух дел национальную принадлежность переселенцев и то, как она связана с местами выхода (табл. 1).

Анализируя таблицу 1, отметим, что всего в 252 семьях, чьи анкеты подшиты в изучаемых делах, насчитывалось 1362 человека. С Украины выехало 256 человек, большинство из которых были украинцами (193 чел., 75,4%). Однако из этой же республики выезжали русские (58 чел., 22,7%) и белорусы (5 чел., 1,2%). Из Белоруссии выехали в основном белорусы (60 человек из 68, учтенных в анализируемых делах). А вот из Татарской АССР, по материалам указанных дел, не выехало ни одной татарской семьи. Эту республику покидали в основном чуваша (58 человек из 65; 89,2%).

252 семьи, которые мы рассматриваем, составляют 1,9% от числа всех переселившихся в Новосибирскую область к концу августа 1940 г. семей. В этой совокупности переселенцев только чуть больше половины (54,8%) были русскими. При этом высока была доля семей, выезжавших из областей южнорусской историко-культурной зоны (всего 290 чел., 21,3% от выборки). Высока оказалась доля чувашей (19,6%) и украинцев (14,4%).

Государство пыталось регулировать миграционные потоки, учитывая хозяйственный опыт переселенцев. В ГАОО не были обнаружены дела, которые бы содержали материалы по этническому составу переселяющихся колхозников. Однако в газете «Омская правда» за 1940 г. было опубликовано немало заметок,

рассказывающих о ходе переселений, в них упоминались места выхода колхозников. Как правило, в южные степные районы области направляли переселенцев с Украины – из Полтавской, Харьковской, Черниговской, Днепропетровской областей. В лесостепные районы селили выходцев из Орловской и Курской областей. На север, в Тарский округ, направляли выходцев из Белоруссии. В «Омской правде» чаще встречаются указания на то, что переселенцы прибывают с Украины, чем из других областей, но статистические данные в газете, конечно, не приводятся.

Документы, хранящиеся в ГАНУ, свидетельствуют, что предпринимались попытки заселить и северные районы Западной Сибири, например Нарымский округ. В 1940 г. туда планировалось вселить 900 семей. Чем южнее район, тем больше переселенцев он должен был принять. Так, в самый южный район, входивший в Нарымский округ, – Кривошеинский – по плану направлялось 260 семей, а в самый северный – Каргасокский – только 25 [15, л. 47]. По первоначальному плану приема переселенцев в 1940 г. в Колпашевский район должны были переселить 311 семей, в том числе 121 семью из Белоруссии и 190 семей из Кировской области [15, л. 51]. Однако затем план был уменьшен до 60 семей [15, л. 47]. Сохранилась телеграмма, подписанная начальником переселенческого отдела при Новосибирском облисполкоме Терехиным, в Минск, начальнику местного переселенческого отдела Михелю: «Первую очередь сентябре шлите (переселенцев. – М.Б.) районы Нарымского округа... всего 900 хозяйств» [15, л. 43]. Вероятно, при уменьшении планов переселения в Нарымский округ Кировский облисполком сумел отстоять интересы своих колхозников и исключил из плановых районов вселения Нарым. Новосибирские власти искали желающих переселиться на север и в других местах, но, как следует из документов, добровольцев было мало. «На ваш запрос от 17 апреля с.г. по выяснении вопроса через райисполкомы сообщая, что желающих переселиться в рыболовецкие колхозы Нарымского округа не имеется», – писал уже в 1941 г. начальник переселенческого отдела при СНК Мордовской АССР П. Турдазов [15, л. 23].

Переселения, как и декларировалось, носили ярко выраженный аграрный характер. Принимать переселенцев в первую очередь должны были сельскохозяйственные районы. Обращает на себя внимание, что самые масштабные переселения планировались в места, где условия для жизни и хозяйствования были не самыми лучшими – например, в районы с солончаковыми почвами, обезлесенные и т.д. В период переселений рубежа XIX–XX вв. они не пользовались популярностью у приезжавших крестьян, и плотность населения в них оставалась низкой. Наибольшие переселения планировались в Купинский район Новосибирской области (1000 семей) и пограничные с ним

Места выхода и национальный состав переселенцев в Новосибирскую область в 1940 г.

Области выхода	Количество переселенцев по национальностям (чел.):				
	русские	украинцы	белорусы	мордва	чуваши
Башкирская АССР				9	
Винницкая	14	60	5		
Витебская			5		
Воронежская	122				
Гомельская		3	12		
Горьковская	58				14
Днепропетровская		6			
Запорожская	19	10			
Калининская	13				
Киевская		27			
Кировская	42				
Краснодарская	6				
Куйбышевская	4			7	17
Курская	20				
Ленинградская	4				
Марийская АССР	5				
Минская			9		
Могилевская	5		34		
Мордовская АССР	5			62	
Николаевская		5			
Одесская	15	6			
Орловская	111				
Пензенская	27			8	
Полтавская	5	25			
Рязанская	19				
Смоленская	179		2		
Сумская		9			
Тамбовская	13				
Татарская АССР	7				58
Тульская	12				
Украина (без указания области)		5			
Харьковская	5	10			
Челябинская	6				
Черниговская		30			
Чувашская АССР	30				178
Итого	746	196	67	86	267

Составлено по: ГАНО. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 96, 103.

районы Омской области – Калачинский (350 семей), Оконешниковский (400 семей), Полтавский (400 семей), Русско-Полянский (500 семей) и др. В Омской области имелись планы направить прибывающих колхозников и в северные округа – Тарский (1300 семей) и Тобольский (1000 семей) [17, л. 30–30 об.;

18, л. 32]. Впрочем, переселения охватывали все районы достаточно равномерно. Близкий к Омску и р. Иртыш, стоящий на тракте Саргатский район Омской области должен был принять 400 семей, Голышмановский район Омской области, расположенный на Транссибе, – 300 семей, близкий к Новосибирску

Искитимский район – 350 семей. В условия кампании входило и то, что колхозники могли самостоятельно выбирать район въезда, который, правда, часто оказывался для них по разным причинам недоступным. Уже прибыв в область заселения, переселенцы узнавали, что направляются совсем в иные места, чем когда-то выбирали.

Надо полагать, что истинные условия переселений люди начинали узнавать еще в пути. Вот небольшая зарисовка из передовицы «Омской правды» от 19 ноября 1940 г. «Через железнодорожные станции Урала и Сибири нередко проходят большие составы вагонов, оборудованных в подвижные квартиры. Составы долго не задерживаются – только в пунктах санитарной обработки и горячего питания их отводят в тупики, и тогда обитатели вагонов шумной толпой заполняют вокзалы. Здесь и старики, и подростки, молодые и пожилые женщины и мужчины. Веселые и жизнерадостные, они поют, шутят, танцуют. Это переселенцы – колхозники с Украины и из других южных районов СССР, которые едут на сибирские и казахстанские земли, чтобы своим трудом, советом и опытом помочь освоить пустующие просторы плодороднейших земель» [19, с. 1].

Праздничная картина переселений всеми силами создавалась и властями. В ГАНУ хранится письмо председателю Томского райисполкома от 23 декабря 1940 г., в котором говорится: «Сообщаю, что переселенцев с мест выхода (Курская область. – М.Б.) провожали с духовым оркестром, провели митинг. Думаю, что руководители Томского района также организуют теплую встречу переселенцам и обеспечат транспортом...» [17, л. 1].

Однако документы свидетельствуют, что не всегда эти встречи удавалось хорошо организовать. Вот отрывок из переписки начальника переселенческого отдела при исполкоме Омского облсовета Третьяка с председателем исполкома Омского областного совета депутатов трудящихся Евстигнеевым. Третьяк просит передать здания, ранее принадлежавшие переселенческому пункту, вновь образованному переселенческому отделу. «Все здания... приспособлены... для приема проходящих через станцию Омск переселенческих эшелонов... Опыт отправки переселенцев через Омск в 1940 г. показал, что в августе и сентябре... в Омске скапливалось по несколько эшелонов, и за неимением достаточного количества барачных для... размещения семьи переселенцев с женщинами и детьми по несколько суток в ожидании отправки на пароходах вынуждены были размещаться таборами со своими вещами на берегу Иртыша и у линии железной дороги под открытым небом... благодаря такому положению имелось много случаев заболевания, особенно детей, а также завезли инфекционные болезни в Тобольский и Тарский округа...» [18, л. 93].

А вот как описывают знакомство с Сибирью люди, оказавшиеся здесь осенью: «Приехав в Омск 5 сентября 1940 г., пришлось выгрузиться под открытым небом на берегу Иртыша и четверо суток сидеть с вещами... ждать у моря погоды, то есть когда соблаговолят нас погрузить на судно и отправить дальше. Кстати, нам в Омске сменили маршрут. С места нас направили в Русско-Полянский район, но областное переселенческое управление заявило нам, там, дескать, неурожай. Мы вас направляем в самый лучший по урожайности Муромцевский район... После четырехдневных мытарств на берегу Иртыша, согнувшись по-собачьи на своих вещах, мы погрузились в баржу, в которой нас тащили трое суток до пристани Танатовка...» [11, л. 24].

Последняя цитата взята из жалобы на трудные условия жизни и невнимание местных властей, которую по просьбе группы переселенцев составил М.А. Преображенский. Следуя этому документу, можно рассмотреть наиболее типичные проблемы, с которыми сталкивались как переселенцы, так и обеспечивающие их прием сибиряки.

Важнейшая проблема – дома. Преображенский пишет: «Председатели колхозов (встречавшие прибывших на пристани. – М.Б.) хвалились – у нас для вас дома есть хорошие, а результат: там без печи, там без окон, там без крыш... кое-где у кого в сильные морозы в избе мерзла картошка как кость, и замерзла вода...» В протоколах общих собраний колхозов, на которых принималось решение о «приглашении» переселенцев, указывалось, какими домами приезжие будут обеспечены. Часто можно встретить протоколы, писанные, очевидно, по образцу, которые выглядят так. «Домов построим новых ___ ... Для ремонта своих сельских и постройки новых домов ... имеем в наличии: нет леса, ___ кирпича, ___ стекла, ___ гвоздей. Недостающее количество леса, кирпичей обязуемся заготовить... а гвозди и стекло оконное просим облисполком отпустить нам из гос. запасов» [9, л. 309]. Не автор статьи оставил пустые места по недосмотру, а зияют они в протоколах уже почти 70 лет...

Естественно, что тут же нашлись оборотистые люди, которые попытались извлечь из этой ситуации некоторую выгоду. Временно исполняющий обязанности управляющего Омской областной конторой Сельхозбанка Шабалин сообщал в апреле 1941 г. в переселенческий отдел, что в Голышмановском районе Омской области «имеют место массовые случаи продажи домов колхозниками-старожилами для прибывающих переселенцев. Сами колхозники и председатели колхозов объясняют это тем, что продают хорошие дома с той целью, чтобы купить для себя похуже и подешевле, а разницу в стоимости обратить на свои нужды... продают дом, а сами переходят жить в так называемые “малухи”» [11, л. 96]. Думается, что в условиях, когда резко упала выдача продуктов на

трудодни [20, с. 61], упомянутых «нужд» у колхозников было предостаточно. Официальные результаты обеспечения жильем переселенцев по Омской области такие: к июню 1941 г. 1500 хозяйств, прибывших в 1940 г., не имели своих домов и надворных построек. На 1 июня 1941 г. было подготовлено только 4187 домов для вселения переселенцев 1941 г., или 26% к плану; заготовлено леса для строительства 56,6% от плана, а вывезено только 18,3% [11, л. 122].

Были проблемы и со скотом. Далеко не везде переселенцы получали коров по справкам из Заготскота, им не выделяли мелкий скот. Например, в 1941 г. в ходе общественной проверки хозяйственно-бытового устройства семей переселенцев в Одесском районе Омской области были установлены такие факты: в колхозе им. Войкова закрепилось 8 семей переселенцев, коровы были только в трех семьях; в колхозе «К новому быту» из 11 семей новоселов имели коров четыре; в колхозе «Коминтерн» эти показатели соответственно 11 и 6. Наилучшие показатели были в колхозе им. Ворошилова, где все 10 прибывших семей были обеспечены коровами, «13 лет РККА», где из 6 семей переселенцев получили коров пять. А вот в колхозах «Трудовик» и «Путь бедноты» ни одна из вновь прибывших семей коров не получила [11, л. 88]! Есть что по этому поводу сообщить и М.А. Преображенскому: «...переселенцу Карнейцу Михаилу Демьяновичу за сданную на месте выезда... корову не выдали коровы, а заставили платить мясopоставки за колхозников» [11, л. 24]. В июне 1941 г. в одном из официальных документов были представлены итоги обеспечения переселенцев Омской области скотом: 25% прибывших не обеспечены крупным рогатым скотом, 30% – мелким [11, л. 122].

Остро стоял вопрос и с оплатой трудодней. По положению, в анкете-заявлении на месте выхода заполнялся пункт «выработано трудодней в текущем году», но оплачивались они уже в принимающих колхозах после уборки урожая. Многие переселенцы были недовольны тем, сколько они получали зерна на трудодень. Приведем сначала точку зрения М.А. Преображенского. «Урожай хлебов по (Муромцевскому. – М.Б.) району можно считать средний... можно было судить, что и на трудодни должно было выпасть известное количество хлеба, но, к сожалению, в большинстве колхозов... из-за безучастности и наплевательского отношения... к сохранению урожая на трудодни колхозникам остались охвостья, и то в количестве не килограммов, а граммов на трудодень. Большинство переселенцев столкнулись с положением голодовки, так как в колхозах положенные центнеры (три. – М.Б.) на хозяйство старались выдать недоброкачественной мукой или зерном. Переселенцы их съели, работая на уборке урожая еще в 1940 г., а при распределении доходов на трудодни ничего не попадет...» [11, л. 24 об.].

Однако падение выплат на трудодень началось еще в 1939 г. по всей стране и продолжилось в 1940 г., что логически вытекало из постановления «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов». Местные власти были обеспокоены этим, тем более что не могли зачастую поддержать переселенцев, не имевших ни денежных, ни продуктовых запасов. «80% колхозов не могут оказать помощь переселенцам. Полученная (районом. – М.Б.) ссуда в количестве 100 центнеров распределена по 37 колхозам на 177 семей, в которых 748 иждивенцев. Внутри района изыскать дополнительно райисполком ничего не может», – писал в апреле 1941 г. в облисполком председатель исполкома Исетского райсовета Омской области Балахонцев [11, л. 89]. Не хватало картофеля, теплых вещей, предметов первой необходимости. Ударный труд не спасал от нищеты. Зам. председателя исполкома Омского облсовета Науменко писал в исполком Армизонского района: «Семья переселенца Старичкина Евдокима Степановича в 10 человек живет в избушке 4×4 метра. Ее стены промерзают, невыносимо холодно, дети вынуждены сидеть на печке. Семья за 1940 г. заработала 1800 трудодней, а ее не обеспечили продовольствием и хлебом» [11, л. 48].

Помощь переселенцам и их первоочередная поддержка ущемляли интересы старожилков. Они полагали, что прибытие массы новоселов ухудшает их материальное положение. Начались конфликты. М.А. Преображенский объясняет это так: «Одним из фактов недовольства переселенцев является то, что среди массы местных колхозников не проработано постановление правительства о льготах переселенцам... Из-за этого есть много эксцессов со стороны местных колхозников... Например, в с. Большая Красноярка (Муромцевского района Омской области. – М.Б.) побили колхозника-переселенца Волковченко Василия с выкриками «Приехали, дармоеды!». Здесь, в с. Муромцево, большинство колхозников смотрит на нас как на обузу...» [11, л. 24об.].

Знали об этом и представители власти. Неоднократно в различных справках и докладных записках упоминались подобные факты. «В Кагановичском районе (Омской области. – М.Б.) в колхозе «Чернолучье» зам. председателя правления колхоза Булдаков и бригадир Казанцев всячески оскорбляли переселенцев-украинцев, а 26 июня (1940 г. – М.Б.) избили переселенца Ковбаса. В колхозе «Коминтерн» Ишимского района колхозник Косолапов проявлял хулиганские действия к переселенцам – подпирал ночью двери квартир переселенцев, распрягал и увозил лошадей, на которых работали переселенцы» [18, л. 73]. Отдельные граждане писали письма даже в ЦК ВКП(б). «Докладываю Центральному комитету партии про жизнь переселенцев в Омской области, особенно в Молотовском районе. Я сам переселенец,

Пацюк Павло К. Проживал... в колхозе «Вольная жизнь», где испытал отношение до переселенцев плохое. Предколхоза т. Букин помощь оказывает своим друзьям, с которыми пьет водку, а переселенцам обещает... но ничего не делает. Отношение не людское, зверское, матом кроет, иждивенцами называет, и даже мою жену побили в огороде за то, что не давала зламувать подсолнух...» [18, л. 87].

Павло Пацюк свое письмо в Москву отправил уже из Золотоношенского района Полтавской области. Он завершил его так: «Все это я докладываю о том, что меня заставило поехать обратно». Возвратничество было огромной проблемой именно этой переселенческой программы. В официальных итоговых документах факты излагаются аккуратно. В докладной записке председателя исполкома Омского облсовета Евстигнеева председателю Совнархоза РСФСР И.С. Хохлову указано, что «из 11599 семей к 1.11.1940 г. обратно выехало 1795 семей», что составляет 15,5% [11, л. 168]. По оперативным сведениям переселенческого отдела при исполкоме Новосибирского облсовета на 10 сентября 1940 г., из 14409 приехавших семей обратно выехали 1138, или 7,9% [17, л. 30]. Однако в местной отчетности приводятся совсем иные цифры. Так, в Одесском районе Омской области, по данным на апрель 1941 г., из 377 прибывших семей закрепилось только 204, а выбыло 173 семьи (45,9%) [11, л. 88об.]. В Томский район вместо 400 запланированных семей приехало только 92 семьи, а выбыло 37 (40,2%), причем 27 семей уехали на родину, в Чувашскую АССР. Из Мариинского района уехали 199 семей из 454 приехавших (43,8%) [21, л. б/н]. Для сравнения: до постройки железной дороги в Сибирь возвратничество было минимальным, из 43094 семейств, переселившихся в Томскую губернию в 1884–1893 гг., назад вернулись только 753 семьи (1,7%). В 1900 г. из Сибири вернулось 22,2% к числу приехавших в этом году, а в 1901 г. – 33% [22, с. 26, 211].

В ГАНО хранятся списки семей, выбывших из районов Новосибирской области и Нарымского округа к 1 января 1941 г. В них указаны причины выезда: не нравится климат в Сибири, холодно, по болезни семьи, нет теплой одежды, далеко от города, «не схотел тут остаться», «у нас жить лучше, а поэтому выезжаем назад в Чернигов», поехал за семьей и не вернулся, «сам (т.е. глава семьи. – М.Б.) взят в РККА», «ехали сюда ошибочно, так как приписаны к Нарымскому эшелону как отставшие», вышла замуж, взят на учительскую работу. Но приходилось записывать и такие причины: плохо были устроены, не обеспечены домами и скотом, «сильно много работы, а на трудодень мало» [21].

Власти винили переселенцев в пораженческих настроениях, местных руководителей районов выхода – в недобросовестной работе по отбору переселенческих кадров. Разумеется, в справки включались

убедительные примеры этого. «Три переселенческие семьи Кулагины... выехали из колхоза (Омутинского района Омской области. – М.Б.) и полученных коров... продали на рынке по 1500 рублей. Оставшиеся... переселенцы рассказывают, что эти три семьи уже не раз переселялись в восточные области и использовали государственные льготы и помощь колхозов в целях личной наживы» [11, л. 161]. «Переселенец Бойко Павел в колхозе им. Куйбышева (Любинского района Омской области. – М.Б.) был обеспечен домом, хлебом и с 8 сентября по 10 октября выработал только 7,6 трудодня. Остальное время он вывозил свой хлеб с элеватора, сданный на месте выхода, размалывал; по заявлению колхозников, он смолот и продал 25 центнеров хлеба, продавал его от 130 до 180 рублей за пуд» [11, л. 169]. Получается, что П. Бойко продал 156,25 пудов хлеба, даже при минимальной цене это должно было принести ему 20312,5 руб. Для сравнения: председателю райисполкома по штатному расписанию 1941 г. был установлен оклад в 1000 руб. в месяц, ветврач получал 400 руб., конюх – 100 руб. [11, л. 37], стипендия на курсах подготовки рабочих для Омского шинного завода в это же время составляла 175–250 руб. в месяц [23, с. 4]. Разумеется, что такие деяния, даже если они были только оглашены, а не происходили в действительности, не могли не вызывать возмущение трудно живших колхозников, да и местных властей. Логическим следствием этого было предложение, с которым Омский облсовет собирался «ходатайствовать» перед СНК РСФСР: «Внести дополнение в Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. «О льготах по сельскохозяйственному переселению», что с каждой переселенческой семьи, самовольно выехавшей из района вселения, немедленно взыскиваются все расходы по перевозке ее к месту нового жительства, а также ссуды – продовольственная, денежная, полученные в колхозе вселения» [11, л. 169].

С началом Великой Отечественной войны именно переселенческое управление приняло на себя все заботы по размещению эвакуированных. В Новосибирской области этот отдел стал называться отделом хозяйственного устройства эвакуированного населения исполнительного комитета областного совета депутатов трудящихся (см., например: [24, л. 1]). Однако программа переселений, запланированная до 1942 г., хоть и в свернутом варианте, но продолжала действовать, во что трудно поверить. Так, в 1942 г. в Новосибирской области принимали и размещали добровольных переселенцев из Курской, Смоленской, Тамбовской, Воронежской областей и Мордовской АССР [24, л. 2–5, 28]. Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 8 сентября 1942 г. Курский облисполком был обязан направить в Новосибирскую область в порядке сельхозпереселения 2000 семей колхозников. В постановлении был и такой пункт:

«Предложить Воронежскому, Саратовскому и Тамбовскому облисполкомам оказать Курскому облисполкому помощь в отборе и отправке в Новосибирскую область эвакуированных из Курской области колхозников, временно размещенных на территорию их областей». На переселяемых по этому постановлению колхозников были распространены льготы, предусмотренные Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 ноября 1937 г. [24, л. 82]. В ГАНО хранятся дела, содержащие отчеты и справки о выполнении указанного постановления. Но, как говорится, это уже совсем другая история!

В 1947 г. на государственном уровне вспомнили о довоенной программе переселений. Вышло постановление Совета Министров РСФСР от 5 марта 1947 г. «О хозяйственном устройстве переселенцев». Еще раз подтверждалось, что льготы, предусмотренные Постановлением 1937 г., действуют [25, л. 24]. В связи с этим была проведена проверка «наличия плановых переселенцев 1939–1941 гг.» Их оказалось в Омской области, которая была разукрупнена в 1944 г., всего 1598 семей. 1366 из них были обеспечены домами, 1436 – крупным рогатым скотом [25, л. 9].

Переселенческая кампания 1939–1942 гг., довольно шумно и бурно начатая, сошла на нет в годы Великой Отечественной войны. Не ясны судьбы тех семей, что приехали когда-то в Сибирь. Нет материалов, позволяющих оценить роль этих переселений в этнической истории русских сибиряков, сибирских украинцев, белорусов, чувашей... Отмечу, что в генеалогиях, которые на протяжении почти 30 лет собирают омские этнографы на территории современных Омской и в отдельных районах Новосибирской, Тюменской, Томской областей, нет упоминаний переселенцев предвоенного времени. Возможно, что в общественном сознании приехавшие перед войной сливаются с теми, кого принято называть эвакуированными. Однако во время одного из докладов на эту тему сотрудница Омского государственного университета, родом из Русско-Полянского района Омской области, вдруг сказала:

– Да, семья моей бабушки перед войной приехала с Украины. А ее старшая сестра вышла замуж и с мужем назад вернулась.

– И как, бабушка поддерживала с ней связи?

– Нет, и она, и ее муж, и сын маленький – все на Украине в войну погибли...

Библиографический список

1. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М., 1999.
2. История Сибири / Б.А. Борисов, Г.А. Докучаева, Ф.А. Аржанов и др.; отв. ред. Г.А. Докучаева. – Новосибирск, 1969. – Т. 5.
3. Брук, С.И. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции / С.И. Брук, В.М. Кабузан. – Советская этнография. – 1982. – №5.
4. Белорусы / отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко. – М., 1998.
5. Красильников, С.А. Серп и молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – М., 2003.
6. Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов : Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР // Омская область. – 1940. – №4.
7. О мерах охраны общественных земель от разбазаривания : Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР // Омская область. – 1939. – №6.
8. Полтавские колхозники ждут переселенцев / Д. Заможский // Омская правда. – 1940. – 1 марта.
9. ГАНО. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 57.
10. За новый подъем социалистического земледелия в восточных районах СССР : Речь тов. Андреева А.А. на совещании передовиков сельского хозяйства Новосибирской области 17 марта 1940 года // Омская область. – 1940. – №4.
11. ГАОО. – Ф. 437. – Оп. 9. – Д. 864.
12. ГАНО. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 103.
13. Кабузан, В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795–1917 гг.) / В.М. Кабузан // Отечественная история. – 1979. – №3.
14. ГАНО. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 77.
15. ГАНО. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 107.
16. ГАНО. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 96.
17. ГАНО. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 92.
18. ГАОО. – Ф. 437. – Оп. 9. – Д. 805.
19. Больше внимания и заботы переселенцам! // Омская правда. – 1940. – 19 ноября.
20. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / Н.Я. Гущина, Л.Н. Приходько, А.П. Мелентьева. – Новосибирск, 1985. – (Т. 4 : История крестьянства Сибири).
21. ГАНО. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 106.
22. История Сибири / В.Н. Дулов, Ф.А. Кудрявцев, В.А. Степанин и др.; отв. ред. Ф.А. Кукулина. – Новосибирск, 1968. – Т. 3.
23. Омская правда. – 1940. – 3 февр.
24. ГАНО. – Ф. 1030. – Оп. 1. – Д. 197.
25. ГАОО. – Ф. 437. – Оп. 9. – Д. 1432.

Список сокращений

АССР – автономная советская социалистическая республика.

Военвед – военное ведомство.

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.

ГАОО – Государственный архив Омской области.

Коминтерн – Коммунистический интернационал.

КООПинсоюз – Союз кооперативных артелей инвалидов.

НКлеса – Народный комиссариат лесной промышленности.

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения.

НКугля – Народный комиссариат угольной промышленности.

РК ВКП(б) – районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

СНК СССР – Совет народных комиссаров СССР.

Совнарком РСФСР – Совет народных комиссаров РСФСР.

ЦИК – Центральный исполнительный комитет.

ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)